

**ДЖОРДЖ
ГЕНТИ**

ЛЕВ СВЯТОГО
МАРКА

Джордж Генти
Лев Святого Марка

«Public Domain»

1889

Генти Д. А.

Лев Святого Марка / Д. А. Генти — «Public Domain», 1889

«В истории найдется не много периодов, более интересных и удивительных, чем история возникновения и расцвета Венеции. Основанная в пятом столетии на нескольких песчаных островах в мелководной лагуне Адриатического моря беглецами из Италии, искавшими себе здесь убежища, Венеция с течением времени превратилась из маленькой общины в одно из самых могущественных государств Европы. Она властвовала над океаном, покорила немало земель на побережье Адриатического моря, положила предел все возраставшему могуществу Турции, подчинила себе Константинополь, победоносно отразила все попытки соперников сокрушить ее силу и явилась сосредоточием всемирной торговли, почти такой же обширной, какую ведет Англия в наши дни...»

© Генти Д. А., 1889
© Public Domain, 1889

Содержание

Предисловие	5
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	17
Глава IV	24
Глава V	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джордж Генти Лев Святого Марка

Предисловие

В истории найдется не много периодов, более интересных и удивительных, чем история возникновения и расцвета Венеции. Основанная в пятом столетии на нескольких песчаных островах в мелководной лагуне Адриатического моря беглецами из Италии, искавшими себе здесь убежища, Венеция с течением времени превратилась из маленькой общины в одно из самых могущественных государств Европы. Она властвовала над океаном, покорила немало земель на побережье Адриатического моря, положила предел все возраставшему могуществу Турции, подчинила себе Константинополь, победоносно отразила все попытки соперников сокрушить ее силу и явилась сосредоточием всемирной торговли, почти такой же обширной, какую ведет Англия в наши дни.

Венецианская республика управлялась так называемым Великим Советом, верховным правительственным учреждением, во главе которого стоял дож, верховный правитель Венеции, избиравшийся пожизненно.

Рассказ, который мы предлагаем вниманию наших читателей, относится не ко времени полного расцвета Венецианской республики, а к эпохе самой тяжелой ее борьбы за существование, когда ей приходилось одновременно обороняться против соединенных сил Генуи, Падуи и Венгрии. Зато в эти тяжкие для нее годы с особенным блеском проявились лучшие качества, отличавшие граждан Венецианской республики, – мужество, любовь к родине и самоотречение, не отступающее ни перед какими жертвами.

В настоящее время Венеция входит в состав Итальянского королевства. Это чрезвычайно красивый и своеобразный город, в котором путешественник с удивлением видит вместо улиц каналы, а вместо экипажей – лодки (гондолы). В тихих водах лагун отражаются великолепные фасады домов, из которых многие сохранились еще из тех времен, когда Венеция была самостоятельным государством, являясь безмолвными свидетелями давно минувшего прошлого.

Глава I Венеция

– Едва ли у вас на вашем окутанном туманами острове удастся наслаждаться такими восхитительными ночами, как эта ночь, Франциск?

– Ты ошибаешься, – заступился за свое отечество тот, к которому был обращен этот вопрос, – у нас на Темзе мне не раз случалось любоваться подобными же чудными ночами. Часто, стоя на ступенях лондонского собора Святого Павла, я следил за отражением в водах Темзы луны и огней из освещенных домов да скользящих по реке лодок, совершенно так, как мы это делаем в настоящую минуту. Должен, однако, сознаться, – прибавил он, – что такие тихие, прекрасные ночи, как здесь, у вас в Венеции, у нас все-таки редкость, но зато и у вас бывают туманы, которые стелются на поверхности воды, совершенно так, как у нас.

– Поэтому-то, вероятно, тебе так нравится здесь; ты ведь очень доволен, не правда ли, что отец твой переселился в Венецию?

Франциск Гаммонд помолчал некоторое время, прежде чем ответил:

– Да, я доволен тем, что имел случай увидеть многое, чего дома не удалось бы мне видеть; я рад также, что выучился вашему языку. Но все-таки мне больше нравится мое отечество. Здесь все как-то иначе. У нас дома было веселее. У моего отца было двое-трое учеников, с которыми я развлекался, когда закрывали нашу лавку; разумеется, нам иногда попадало за наши шалости, но наказания бывали не строгие. Случалось, что затевались сражения между молодыми подмастерьями различных кварталов города. Тогда все хватались за палки и дубинки и дрались до тех пор, пока городская стража не приходила разнимать их. Иной раз затевалась стрельба в цель; устраивались представления и другие развлечения. Да, наша молодежь умеет веселее проводить время, чем здешняя; наши юноши развязнее и свободнее, чем ваши. Вообще нам живется лучше. Если кто-нибудь совершит у нас какой-либо проступок, то ему дают возможность оправдаться. У нас нет этого страха перед тайными судилищами, как у вас; нет тайных доносов. Начать уже с того, что у нас нет вашей Львиной пасти¹ и вашего Совета Десяти².

– Франциск! – в страхе воскликнул его собеседник, схватив юношу за руку. – Ни слова против Совета! Нас могут подслушать! – Он бросил тревожный взгляд вокруг себя, с целью убедиться, не подслушали ли их разговор.

– Вот видишь! В том-то и дело! – сказал его собеседник. – У нас в Англии нечего опасаться человеку, у которого совесть чиста, а здесь никто не может поручиться за то, что завтра же он совершенно безвинно не очутится в тюрьме Святого Марка.

– Тише, тише, Франциск! – с беспокойством прервал его Маттео. – Поговорим лучше о чем-нибудь другом. Все, что ты говоришь, может быть, совершенно справедливо, но у нас благоразумнее не высказывать этого. Без сомнения, многое могло бы быть иначе у нас, но нельзя же иметь всего, а у нас есть многое, чем мы можем по справедливости гордиться.

– Да, вы вправе гордиться, – согласился с ним Гаммонд. – Вы владычествуете над морями, и все государства Европы стремятся стать вашими союзниками. Не будь я англичанином, я, конечно, желал бы быть венецианцем.

Оба юноши стояли у канала против дворца Святого Марка. На площади, позади них, волновалась шумная толпа. Тут рассуждали о последних новостях из Константинополя, гово-

¹ На площади Дожей в Венеции находится еще и теперь изваяние львиной головы, и в его пасть в былые времена опускались безымянные письма и доносы.

² Совет Десяти состоял из облеченных неограниченной властью членов Великого Совета Венецианской республики.

рили о событиях, происшедших в Генуе – ненавистной сопернице Венеции; обсуждали письмо, которое епископ Тревильский передал Совету по поручению Папы.

Месяц ярко сиял и отражался в водах лагун, по которым пробегало бесчисленное множество легких волн от сотен двигавшихся взад и вперед гондол. На ступенях набережной, находившейся очень близко к тому месту, где стояли оба приятеля, шла беспрерывная суматоха от причаливавших и отчаливавших гондол.

Франциск Гаммонд был сыном купца из Лондона, торговавшего заморскими товарами. Отец его уже много лет тому назад прекратил свои дела на родине и завел новое дело в Венеции, надеясь в скором времени добиться и богатства и власти в процветавшем торговом городе. Успех превзошел все его ожидания. В те времена часто можно было за бесценок приобрести различные весьма ценные предметы торговли, в особенности когда продавались товары с захваченных генуэзских кораблей или груз с кораблей морских разбойников. Случалось, конечно, Гаммонду терпеть и убытки, так как иногда венецианские корабли, в свою очередь, попадали в руки генуэзских или мавританских морских разбойников. Благодаря своей купеческой аккуратности и опытности мистер Гаммонд в скором времени добился видного положения в Венеции. В то время республика переживала эпоху быстрого роста. Если временами ее и тревожило вмешательство в итальянские дела Франции, Германии, Австрии и Венгрии, зато мирные торговые сношения с Германией, Англией и Францией доставляли ей несомненные выгоды. Из всех итальянских городов первенствующее место занимала Венеция. Ее местоположение у открытого моря давало ей возможность развить свой великолепный флот, с которым мог бы сравниться разве только флот генуэзский. Своему быстрому расцвету она не в меньшей степени была обязана также способностям и характеру своих граждан. Венецианцы были во многом сходны с римлянами. Постигавшие их удары судьбы не приводили их в отчаяние. Неудачи рождали в них только еще большую смелость, и после каждого поражения они становились даже как бы сильнее прежнего. От каких-либо народных смут или восстаний, игравших столь важную роль в истории различных соперничавших с нею итальянских государств, Венеция тоже была избавлена. Таким образом, все свои силы она могла всецело посвятить делам торговли. Всегда готовая стать на защиту слабого от притеснений сильного и оказать поддержку деньгами и войском тому государству, которому приходилось воевать с каким-либо честолюбивым соседом, Венеция попеременно становилась то на сторону Падуи против Вероны, то на сторону Вероны против Падуи; или же на сторону обеих вместе, когда им грозила опасность со стороны возраставшего в то время могущества миланцев. И почти из всех сражений Венеция выходила обогащенная и большей славой, и новыми владениями. Эта постоянная забота о чужих интересах повлекла, однако, к тому, что внутри страны возникли некоторые неурядицы. Бдительность, с которой Совет Десяти старался подавлять заговоры, породила ненавистную систему шпионства. Город был переполнен шпионами; всякое малейшее проявление какого-либо неудовольствия со стороны граждан подвергалось строгому наказанию. Убийства тогда бывали почти заурядным явлением, и если жертвой убийства оказывалось лицо маловлиятельное, то никто не придавал значения тому, что труп внезапно исчезнувшего человека выбрасывался волною лагун на берег. Такие преступления в большинстве случаев оставались безнаказанными, и если даже открывали убийцу, но у него оказывались власть имущие друзья, то самым тяжким наказанием для него, и то лишь в редких случаях, была только временная ссылка.

Оба приятеля, которых мы покинули на площади, оставались там еще некоторое время, а потом смешались с толпой. В толпе теснились разодетые в шелк и бархат дворяне, бедные рыбаки с лагун, жители морских берегов и островов, подчинившиеся владычеству Венеции, греки из Константинополя, татарские купцы из Крыма, торговцы из Тира и жители Эгейских островов. Среди этой тесноты торговцы предлагали покупателям фрукты и цветы, воду и разные прохладительные напитки.

Спутник нашего юного англичанина, Маттео Джустиниани, принадлежал к одной из знатных венецианских фамилий и мог поэтому назвать по имени многих из попадавшихся им навстречу дворян и знатных лиц.

– Вот это Пизани, – сказал он, – ты уже знаешь его, славный, веселый товарищ! Матросы готовы на все для него; он будет, говорят, командовать первой эскадрой, которая выйдет в море. Как я желал бы отправиться вместе с ним. Вот, воображаю, жаркое сражение будет, когда он повстречается в море с генуэзцами. Его отец был одним из самых знаменитых наших адмиралов. Позади Пизани стоит дворянин Фиофио Дандоло, он принадлежит к одной из выдающихся венецианских фамилий. Желал бы я видеть его предка, старого знатного дожа³, который взял приступом стены Константинополя и поделил Восточную империю между рыцарями, принимавшими участие в крестовых походах. Да, это был герой! Но кто же этот молодой дворянин в зеленой бархатной мантии? Ах да! Я знаю его, это – Руджиеро Мочениго, он был сослан на два года в Константинополь за то, что убил Паоло Морозини; он-то сам утверждает, что убил его в открытом бою, но никто не верит этому. За несколько дней перед убийством они затеяли спор о том, чей род древнее. Скоро после того на ступенях церкви Святого Павла был найден труп Морозини. Находившиеся невдалеке люди услышали чей-то крик, прибежали на этот крик и видели, как Мочениго поспешно вскочил в свою гондолу. Он уже стал отчаливать от берега, но городская стража, проходившая случайно близ его лодки, задержала его, но так как у семейства Мочениго были в Совете большие связи, то придали веру показаниям ложного свидетеля и сначала оправдали Мочениго; все, однако, были настроены против него, так что Совет был вынужден присудить Руджиеро к двухгодичной ссылке. Теперь этот срок кончился, и Мочениго только что вернулся из Константинополя. Еще до этого случая про него ходила дурная молва, впрочем, у него такие влиятельные связи, что, я думаю, он опять будет принят в обществе, как будто ничего дурного не совершил. Много у нас найдется таких молодых людей, которые не только не лучше его, но, пожалуй, еще хуже.

– Но ведь это неслыханное дело, – горячился Франциск, – чтобы людям, у которых есть влиятельные связи, дозволяли совершать почти безнаказанно такие дела, за которые простого смертного повесили бы; закон должен быть одинаков как в отношении бедных, так и богатых.

– У нас и не делают различий, когда дело касается блага республики, – возразил его собеседник. – Если, например, кто-либо восстанет против правительства, то тут уже не разбирают, будет ли то знатный человек или простой рыбак; кто бы ни был заговорщик, он одинаково подвергается заточению в наши подземные темницы.

Франциск охотно еще побеседовал бы со своим приятелем, но ему надо было спешить домой, так как отец держал его строго и не позволял ему слоняться по улицам до поздней ночи.

Окно его комнаты, в которую он вошел, выходило на один из бесчисленных маленьких каналов, впадавших в Большой канал. Освещенные фонарями и факелами гондолы скользили под его окном взад и вперед, а когда он высовывался из окна, то мог различать огни гондол, плававших по Большому каналу. До его слуха доносились отрывочные слова песен, звуки гитары и веселый смех. Воздух был мягкий и теплый; вечер был такой чудный, что Франциск не мог заснуть. Он мысленно переживал испытанные им вечерние впечатления и задумался о воинственных героях, о которых ему рассказывал его приятель; к тому же у него не выходила из головы молва о новых предстоящих войнах республики. Его обуяло одно страстное желание. «Если бы я был постарше, – мечтал он, – то стал бы сражаться вместе с другими». Еще живя в Лондоне, он усердно упражнялся в рыцарских играх и не изменял своим привычкам и здесь, в Венеции. По его настоятельной просьбе отец позволил ему посещать школу фехтования, где сыновья дворян и зажиточных венецианцев упражнялись в фехтовании, в бросании метательного копья и в умении владеть секирой. Он отличался силой и ловкостью, что, впрочем,

³ Дожа – титул верховного правителя в прежней Венецианской республике.

признавали решительно все его товарищи. Часто он отправлялся на какой-нибудь уединенный остров и там упражнялся, стреляя из лука в цель. Он прилагал особое усердие к тому, чтобы добиться ловкости в управлении веслом. Он скоро научился отлично управлять гондолой, и самым большим для него удовольствием было, катаясь в гондоле вместе с Джузеппе, сыном гондольера его отца, грести самому. Молодежь знатных венецианских семейств не занималась греблей и считала это занятие даже унижительным, так что Франциск решался братья за весла только под покровом вечерней темноты или где-нибудь в отдаленных каналах, где не было большого движения гондол.

Утром, на другой день после свидания молодых приятелей, Франциск подходил к ступенькам, где гондольеры Беппо и Джузеппе в своих черных одеяниях, опоясанные красными кушаками, стояли у гондолы, поджидая мистера Гаммонда, который хотел ехать в Маламокко для осмотра груза, прибывшего накануне из Азова. Увидев Франциска, Джузеппе выскочил на берег.

– Я узнал тут об одной гондоле, синьор Франциск, которая как раз подойдет вам; вы можете купить ее за самый пустяк.

– Неужели! Где я могу посмотреть ее, Джузеппе?

– Она принадлежит одному человеку из Лидо. Два года тому назад владелец построил ее для гонок, но потом заболел и не мог пользоваться ею; теперь он охотно продал бы ее, так как она слишком легка для обыкновенной работы, уж так легка, как ореховая скорлупа. Она обошлась ему в четыре дуката, но он охотно уступит ее за два, она теперь совсем ему не нужна.

– Что же, это очень выгодно для меня, Джузеппе. Я давно отыскиваю себе подходящую лодку. Твоя гондола вполне годится для моего отца, а для меня она слишком тяжела. Сегодня же вечером мы прокатимся в Лидо и осмотрим гондолу, про которую ты говоришь.

С густя несколько минут приблизился мистер Гаммонд. Беппо и его сын сняли куртки и в своих белоснежных рубашках и черных шароварах, с красными шарфами и лентами вокруг шляп, заняли свои места – один у носа гондолы, а другой – у руля. Гаммонд опустил на подушки посредине лодки, и гондола плавно и бесшумно поплыла по каналу. Франциск очень сожалел о том, что не мог сопровождать отца, так как по утрам он должен был посещать школу, в которой преподавались главным образом иностранные языки; в те времена в школах вообще мало обращали внимания на другие предметы. В этой школе он сталкивался с сыновьями знатных венецианских семейств, там же он впервые встретился с Маттео Джустиниани, который был теперь лучшим его другом. Маттео, как и все венецианские дворяне, стремился к тому, чтобы отличиться в искусстве владеть оружием, но у него не доставало именно того неутомимого усердия, которым обладал его друг. Он восторгался силой и ловкостью Франциска, но у него не хватало выдержки, чтобы проделывать те упражнения, благодаря которым его друг добился таких успехов. Частенько они толковали и даже спорили с Франциском о любви молодого англичанина к гребле.

– Не подобает молодому дворянину, Франциск, – уверял итальянец, – трудиться так, как работает простой гондольер; ведь этим людям платят за их труд; и что же это за удовольствие грести до полнейшего изнеможения, этого я не постигаю. Я ничего не имею против того, когда ты увлекаешься в школе фехтования, где обучают владеть оружием, так как, не умея владеть мечом и кинжалом, нельзя сделаться героем, ну а умение грести для этого вовсе не требуется.

– Но мне это доставляет большое удовольствие, Маттео; видишь, какие у меня крепкие мускулы? И ты мог бы сделаться таким же сильным, если бы решился работать веслом. Ты представить себе не можешь, какое удовольствие испытываешь, когда гондола послушно повинуется каждому движению твоей руки.

– Ну, я охотно предоставляю это дело рукам других!

Вечером Франциск поехал с Джузеппе к лагунам, чтобы осмотреть там лодку, и пришел в восторг, когда увидел гондолу. Она была легка, как скорлупа; дерево в ней было чрезвычайно тонкое, и при этом сразу видно было, что она крепко и прочно построена.

– Я неохотно расстаюсь с ней, – сказал молодой рыбак, хозяин лодки. – Я испытывал ее два или три раза, она летит как стрела, но у меня лихорадка, и я уже не могу участвовать в гонках. А времена теперь плохие, приходится поневоле расстаться с ней.

Франциск и Джузеппе испытали лодку и пришли в такой восторг от ее легкости и быстроты, с какой она мчалась по воде, что Франциск тотчас же уплатил требуемую за нее сумму. Приобретение лодки доставило ему, кроме того, еще другую радость, так как отец разрешил ему теперь подольше оставаться вне дома и предпринимать более дальние поездки. Теперь не проходило почти ни одного вечера без того, чтобы Франциск не катался по лагунам в своей гондоле, и матросы, мимо которых часто даже ночью скользила его маленькая ладья, подгоняемая ударами весел, дружелюбно кивали ему головой.

Глава II

Заговор

– Кто такие эти дамы, Маттео? – спросил Франциск однажды вечером своего друга, когда они в сопровождении Джузеппе катались по Большому каналу и молодой венецианец поклонился двум молоденьким девушкам, проехавшим мимо них в гондоле.

– Это родственницы мои, Мария и Джулия Полани; они только недавно возвратились с Корфу. Их отец один из богатейших купцов в нашем городе; последние три года он провел на Корфу, где находятся главные его торговые склады. Род Полани очень древний, и из него избирались даже дожи. Молодые девушки считаются одними из богатейших наследниц в Венеции, так как братьев у них нет. Мать их умерла вскоре после того, как родилась Джулия.

– Они выглядят еще очень молодыми, – заметил Франциск.

– Марии только что минуло шестнадцать лет, а сестра моложе ее на два года.

– А кто же пожилая дама, сидевшая рядом с ними?

– Эта особа, – отвечал небрежно Маттео, – состоит при них еще с самого их детства и пользуется большим доверием самого Полани. Однако действительно твоя гондола замечательная, – прервал он самого себя, – она так и мчится.

– Не правда ли? Как стрела! Ты приходи как-нибудь вечером, Маттео, когда мы вдвоем с Джузеппе сядем на весла и будем грести.

– Да, хорошо иметь такую быстроходную лодку, – заметил Маттео задумчиво. – Представь себе, если ты, например, попадешь в какую-нибудь неприятную историю и за тобой будет гнаться по пятам лодка городской стражи!

– Надеюсь, что я никогда не подам повода к тому, чтобы меня преследовала городская стража. Ну а если бы мне пришлось удирать от кого-нибудь, то вряд ли кому удастся нагнать меня, будь у него даже двое гребцов против меня одного. Впрочем, ты прав, никогда наперед нельзя знать, что может случиться.

Спустя несколько дней после этого разговора Франциск поздно вечером возвращался домой по безлюдному каналу, как вдруг с берега кто-то окликнул его.

– Надо, пожалуй, подвезти этого человека, синьор Франциск? – спросил Джузеппе, так как уже не раз им случалось оказывать подобные услуги какому-либо запоздалому незнакомцу. Франциск греб, как и Джузеппе, в одной рубашке, без верхнего платья, и в темноте его часто принимали за простого гондольера. Такие похождения доставляли ему большое развлечение. Когда им случалось подвозить в гондоле кого-либо к условленному месту, Франциск, разглядывая ночного пассажира, часто размышлял о том, кто такой этот незнакомец и куда он спешит, не игрок ли он, который отыскивает своих сотоварищей в глухом кабачке. Впрочем, ему было безразлично, куда бы ни пожелал попасть пассажир, а для Джузеппе приманкой служила награда за его труды.

Франциск отвечал на вопрос Джузеппе утвердительным кивком, и они направили лодку к берегу.

– Вы, должно быть, не торопитесь на боковую? – сказал человек, подозвавший их к себе.

– Если нам платят хорошо, то нам ничего не стоит не поспать час-другой, – отвечал Джузеппе, который всегда в таких случаях вел разговор.

– Знаете ли вы, где остров Сан-Николо?

– Да, дорогу-то мы знаем, но это далековато отсюда.

– Вам придется там подождать меня час или два; я вам заплачу за это полдуката.

– Что же, мы согласны, – пробормотал Франциск.

Остров Сан-Николо был маленький песчаный островок, расположенный в стороне от группы других островов. На нем жило несколько бедных рыбаков, и у Франциска явилось сильное желание узнать, за каким делом мог человек, по разговору и одежде, очевидно, принадлежащий к знатному роду, ехать в такой поздний час на этот остров; во всяком случае, тут было что-то таинственное. Когда незнакомец уселся в лодке, Франциск при сиянии звезд заметил, что на нем была маска. В гондоле не обменялись ни одним словом. Когда же путники уже почти приближались к своей цели, незнакомец прервал молчание.

– Вы прекрасно гребете, – промолвил он. – Если вы согласны, то в скором времени я опять найму вас.

– Мы всегда готовы зарабатывать деньги, – пробормотал Франциск преднамеренно измененным голосом.

– Хорошо, когда мы поедем обратно, я вам скажу, когда вы мне опять будете нужны. Надеюсь, что вы сумеете держать язык за зубами, если это понадобится?

– На этот счет будьте спокойны, – отвечал Джузеппе. – Заткните наши глотки серебром, так мы уж будем молчать.

Несколько минут спустя нос гондолы со скрипом врезался в песчаный берег острова. Незнакомец выскочил из лодки и, сказав: «Может быть, я вернусь не ранее, как часа через два», – быстро удалился.

– Скажите, ради бога, как же это вы, сеньор Франциск, согласились на поездку в эту глухую местность? – вскричал Джузеппе, как только исчез из виду пассажир. – Мне самому очень приятно заработать полдуката, который мне поможет обзавестись к будущему празднику новой курткой с серебряными пуговицами, а все-таки ехать в такую даль слишком рискованно; ведь будет очень поздно, прежде чем мы доберемся до дому. Если ваш отец проведаст об этом, он очень рассердится.

– Разумеется, если я согласился, то не ради твоей куртки с серебряными пуговицами; я согласился потому, что эта поездка обещает какое-нибудь приключение. Что-нибудь тут кроется! Дворянин, – а по всему видно, что наш незнакомец дворянин, – никогда бы не поехал в такую позднюю пору на остров Сан-Николо без какой-либо особой причины. Вероятно, там происходит какое-нибудь тайное сборище; я заметил сегодня на лагунах несколько лодок, которые плыли в этом же направлении. Мне хочется непременно допытаться, в чем тут дело и что тут творится.

– Лучше не делать этого, сударь, – предупредил его серьезным тоном Джузеппе. – Если там затевается какой-нибудь заговор, то всего лучше нам не вмешиваться. Мы можем пострадать за это. Мне сдается, что всего лучше нам убраться отсюда подобра-поздорову.

– Нет, мне хотелось бы все-таки узнать, что там происходит, Джузеппе. Чем же мы рискуем? Я полагаю, что, пока мы на воде, нам никакие преследователи не страшны. Ты останься здесь, Джузеппе, а я последую за незнакомцем и постараюсь разведать, в чем там дело. Ты спустишь лодку на воду и будешь поджидать меня, так чтобы в случае чего я бы мог прибежать сюда, вскочить в лодку и умчаться.

Франциск со всевозможными предосторожностями тихо подкрался к рыбацким хижинам, стоявшим разбросанно на острове, но ни в одной из них он не мог заметить даже и признака жизни; нигде не слышно было ни одного звука. Он знал, что в глубине острова есть еще несколько домиков, но так как было темно, а с островом он не был знаком, то решил, что благоразумнее вернуться назад к своей лодке.

– Я не мог отыскать и следов нашего незнакомца, Джузеппе.

– Тем лучше, сеньор Франциск! Скажу вам откровенно, что я от души рад, что вы вернулись назад. Я постараюсь часочек соснуть и вам советую сделать то же самое.

Нэ Франциск не думал о сне; он сел на свое место в гондолу и стал думать, стоит ли ему заниматься дальнейшим расследованием этого дела. Джузеппе, скорчившись, лежал на дне

лодки, и через несколько минут его равномерное дыхание доказало, что он крепко заснул; он даже не пошевелился ни разу, пока Франциск, услышавший приближавшиеся к лодке шаги, разбудил его. Франциск приподнялся с своего места и стал потягиваться при приближении незнакомца, делая вид, что проснулся после крепкого сна.

– Доставьте меня обратно на то место, откуда я вас позвал, – сказал незнакомец, садясь в лодку, и откинулся на подушки.

Молодые люди опустили весла в воду, и гондола поплыла назад в город. Когда они добрались до устья Большого канала и собирались свернуть в сторону, из-под моста, навстречу им, выступила шестивесельная гондола, с которой раздался громкий голос.

– Стой! Именем Республики! Кто вы такие?

– Вперед! – вскричал незнакомец, быстро привстав со своего сиденья, – Гребите скорее! Десять дукатов, если мы скроемся от них!

Франциск двумя ударами весел повернул лодку так, что преследователи очутились сзади них, и тогда он и Джузеппе изо всей мочи налегли на весла. Как стрела понеслась лодка по воде. Гондола нагоняла их. Офицер, начальник гондолы, громким голосом подбадривал своих гребцов. Франциск понял, что им не уйти от преследователей, и, когда гондола была от них уже на расстоянии нескольких ударов весел, быстро свернул в маленький боковой канал. Гондола, захваченная врасплох этим внезапным поворотом, проскочила мимо бокового канала и отстала.

– Сейчас в первый канал направо, – шепнул Франциск и опять быстрым поворотом направил гондолу вперед. Несколько минут спустя они наконец потеряли из виду своих преследователей и теперь могли спокойно ехать к назначенному месту.

– К собору Святого Павла! – приказал незнакомец. – Однако отличились же вы, – прибавил он. – Видно, что вы мастера своего дела, вы гребли с такой быстротой, что задали-таки работу этим лентяям. Хотя у меня нет причин опасаться их погони, но нет и желания подвергать себя их допросам.

Он отдал Джузеппе обещанные деньги и сказал:

– В четверг! К половине одиннадцатого.

Джузеппе немного замешкался с ответом.

– Знаете что, синьор, это опасная служба, – сказал он. – Офицеры Республики не любят, чтобы с ними шутили и не повиновались их приказаниям. В следующий раз нам, может быть, не удастся так счастливо отделаться от них!

– Но если вам платят так хорошо, то и вы можете быть посмелее, – сказал незнакомец, отворачиваясь от них, как бы желая прервать всякие дальнейшие объяснения. – Наконец, в следующий раз мы можем и не встретить их.

Так они расстались. В промежуток времени до дня, назначенного для следующей встречи, Франциск серьезно обдумывал вопрос, стоит ли продолжать эти похождения; наконец он решил до поры до времени не прерывать их, так как никакой серьезной опасности пока ему не грозило. Со своей стороны, Джузеппе размышлял о том же, но он не особенно долго колебался, так как полученные им десять дукатов представляли большой соблазн для бедняка гонцольера. Еще одна такая поездка, думал он, и ему удастся купить себе гондолу, жениться и обзавестись собственным хозяйством. Но еще прежде, чем истек установленный срок, Франциск узнал от Маттео Джустиниани новости, которые сильно заинтересовали его.

– Помнишь ли ты мою кузину Марию Полани, которую мы недавно вечером встретили на Большом канале?

– Конечно, помню, Маттео, и что же с ней?

– Представь себе только! Руджиеро Мочениго, которого я тебе показал тогда на площади, человек, который по подозрению в убийстве был два года в ссылке, вздумал свататься за нее и просить ее руки!

– Но ему, конечно, отказали? – спросил негодуя Франциск.

– Да, конечно. Отец Марии сказал ему, что согласится скорей видеть свою дочь мертвой, нежели женой убийцы. Произошла очень бурная сцена, как мне говорили, и Руджиеро удалился, поклявшись, что Полани придется еще раскаиваться в своем обидном отказе.

– Но твой родственник не очень-то испугался этой угрозы?

– Я полагаю, что нет, – отвечал Маттео, – но у Руджиеро есть связи, так что он легко может отомстить ему; я не говорю уже о том, что он может за деньги найти человека, который в один прекрасный день заколет Полани своим кинжалом. Мой отец советовал ему быть настороже, когда ему приходится выходить ночью из дома. Этот негодяй Руджиеро опаснейший враг. С него все станется, он способен поджечь дом Полани, даже увести силой Марию из дома.

Наконец наступил условленный день, и гондола ждала в назначенный час на заранее указанном месте. Франциск предвидел, что незнакомец может задать им несколько вопросов о том, например, где они живут, где обыкновенно можно их нанять, вообще постарается по их ответам сообразить, вполне ли он может на них положиться, так как догадается, что они, со своей стороны, заподозрят, не замешан ли он в какое-либо опасное дело. Джузеппе был в этих случаях очень осторожен, и Франциск знал, что ему нет надобности входить в лишние объяснения с хитрым итальянцем, который всегда сумеет выдумать какую-нибудь более или менее правдоподобную басню, чтобы выпутаться из затруднительных обстоятельств.

Незнакомец появился у гондолы несколькими минутами позже назначенного времени.

– Однако вы не заставляете себя ждать, – сказал он. – Я этим очень доволен; ваш брат гондольер вообще народ не особенно аккуратный.

Франциск отвел весла к носу лодки и повернулся спиной к пассажиру, так что вопросы незнакомца поневоле должны были относиться не к нему, а к Джузеппе, стоявшему ближе к незнакомцу; случилось именно так, как ожидал Франциск. Незнакомец обернулся к Джузеппе и начал беседовать с ним.

– Я не могу разглядеть ваши лица, но, судя по вашему виду, вы, должно быть, еще очень молодые люди.

– Мне двадцать два года, – сказал Джузеппе, – а мой брат на год моложе меня.

– А как вас зовут?

– Джованни и Беппо Морани.

– А лодка эта ваша собственная?

– Да, сударь. Наш отец умер три года назад и оставил нам ее в наследство.

– А где вы обыкновенно стоите с гондолой?

– Везде, сударь, где придется! Иной раз бывает выгоднее одно место, другой раз другое.

– Где же вы живете?

– Можно сказать, сударь, что мы нигде не живем. Когда наступит ночь и у нас не предвидится работы, то мы привяжем лодку к какому-нибудь колу, завернемся в наши плащи и спокойно спим в лодке. Денег за это не надо платить, и мы чувствуем себя отлично.

– Значит, вы копите деньжонки?

– Да, откладываем понемногу. В один прекрасный день мы, вероятно, женимся, и тогда нам нужны будут деньги, чтобы прокормить наших жен. Кроме того, случается, что мы полениваемся и на время бросаем работу. Надо же когда-нибудь и нам доставить себе развлечение.

– Не согласились бы вы наняться к кому-либо в услужение?

– Нет, сударь. Мы хотим быть сами себе господами, захотим, повезем пассажира, не захотим – не повезем; делаем то, что нам хочется.

– Значит, у вас нет определенного места стоянки, где бы я мог всегда найти вас?

– Нет, сударь, но мы всегда можем вас встретить на условленном заранее месте, если вы дадите нам знать вовремя.

– Как же я могу дать вам знать, – сказал с досадой пассажир, – когда я не знаю, где вас можно найти?

Джузеппе замолчал, как будто обдумывая что-то.

– Если бы ваша милость написали цифрами час, в который мы вам нужны, на подножии колонны дворца на углу Пьяцетты, то мы почаще ходили бы туда днем и посматривали, нет ли там какой-либо надписи.

– Вы, значит, умеете читать и писать? – спросил пассажир.

– Нет, сударь, мы только цифры разбираем. Цифры нам необходимо знать, а то как же мы будем узнавать часы? Мы разбираем цифры на солнечных часах, а уметь читать и писать вовсе и не требуется таким беднякам, как мы.

Пассажир, по-видимому, удовлетворился этим ответом. Во всяком случае, они знали цифры на солнечных часах, и этого было достаточно, чтобы он мог условливаться с гондольерами.

– Хорошо, – сказал он, – когда я вас отпущу, то я, вероятно, назначу час, в который вы мне будете опять нужны, в случае же какой-нибудь перемены я напишу вам на условленной колонне тот час, в который вы должны будете поджидать меня на условленном месте. – Больше они не проронили ни одного слова до тех пор, пока гондола не причалила к тому месту, где они остановились в прошлый раз.

– Я опять пробуду здесь столько же времени, как в последний раз, – сказал незнакомец, вылезая из гондолы.

Франциск не мог устоять против искушения последовать за ним и осторожно стал прокрадываться в некотором расстоянии от него. Предположения Франциска оправдались: незнакомец направился не к селению, но прошел недалеко от берега по краю острова. Вдруг Франциск услышал удары весел, и вскоре в песок врезалась гондола как раз между ним и незнакомцем. Франциск лег на землю, чтобы его не могли увидеть. Из гондолы вышли двое мужчин и пошли по тому же направлению, куда направился незнакомец. Франциск осторожно сделал маленький обход в сторону из опасения, чтобы его не заметили поджидавшие своих пассажиров гондольеры, а затем поспешил за тремя едва видимыми в темноте мужчинами. После того как они прошли около четверти часа по окраине острова, они свернули в сторону от берега и остановились перед мрачным строением. Франциск слышал, как они постучали в дверь хижины, потом до слуха его долетел какой-то шепот, как будто кто-то обменивался вопросами и ответами. Затем все вошли в хижину, и дверь захлопнулась за ними.

Когда Франциск, выждав несколько минут, добрался до этого места, то очутился перед развалившейся хижинкой, стоявшей между двух песчаных бугров. Окна были закрыты ставнями, и изнутри не проникало даже луча света.

Осторожно обошел Франциск вокруг хижины, присел на корточки в углу у двери и стал выжидать.

Вскоре он опять услышал приближавшиеся шаги; какая-то темная фигура трижды постучалась в дверь, и на этот стук откликнулся изнутри чей-то голос.

– Кто там?

– Добрый друг!

– Пароль?

– Месть врагу!

Франциск, напряженно прислушиваясь, услышал шум, как будто отодвигали задвижку, дверь открылась и тотчас же опять закрылась за вошедшим.

Явились еще четыре новых лица, и каждый раз из хижины задавались те же вопросы, на которые следовали те же ответы, а потом опять все затихало. Франциск растянулся на песке и своим кинжалом начал сверлить дыру в деревянной стене хижины; бревна ее были такие ветхие, что легко поддавались его усилиям.

Приложившись глазом к сделанному отверстию, он увидел около двенадцати сидящих за столом мужчин.

Из числа сидевших, лица которых были обращены в его сторону, он знал только трех или четырех; все они были из знатных семейств. Двое из них были членами Совета, но не принадлежали к Совету Десяти. Один мужчина, сидевший во главе, что-то говорил, но как ни старался Франциск расслышать его слова, он не мог понять ни одного слова. Он осторожно привстал, сгреб в кучу песок, чтобы скрыть сделанное им в стене отверстие, замел свои следы и прошел на другую сторону хижины, где опять просверлил дыру. Теперь он мог разглядеть лица тех, кто раньше сидел к нему спиной, и тотчас же он признал в одном из них Руджиеро Мочениго. Сидевший с ним рядом человек был незнаком Франциску, но по одеянию его можно было принять за венгерца, а другие трое были, по-видимому, не из дворян. Прошел почти час, пока Франциск был занят сверлением и подслушиванием, так что он счел за лучшее вернуться к лодке. Стараясь тщательно скрыть всякие следы своего пребывания, Франциск поспешно направился к гондоле.

– Слава богу! Наконец-то вы вернулись, – встретил его Джузеппе. – Меня даже лихорадка стала трясти, пока вы пропадали. Добились ли вы чего-нибудь?

– Как сказать! Я узнал только то, что они затевают какой-то заговор. Некоторых из участников я знаю, но о чем они говорят, не знаю – я не мог разобрать ни одного слова.

– Я думаю, что в другой раз вы не согласитесь ехать сюда, синьор: вы знаете, что иметь дело с заговорщиками опасно. Кто дорожит своей жизнью, тот не должен наживать себе врагов в Венеции.

– Да, это я знаю отлично, Джузеппе, и мне надо обдумать это дело.

Не прошло и четверти часа, как вернулся их пассажир. Франциск был очень рад, что не остался дольше на опасном посту около хижины. На этот раз они сделали большой крюк на обратном пути и, въехав в город по одному из многочисленных каналов, благополучно добрались до места без всяких помех. Незнакомец вручил Джузеппе деньги и сказал:

– Я не знаю, когда вы опять понадобится мне, но я напишу час на колонне, как мы уговорились. Не пропускайте ни одного дня без того, чтобы не справляться там; даже если там ничего не будет обозначено, то поджидайте меня здесь в половине одиннадцатого. Может так случиться, что вы вдруг мне понадобится.

Прежде чем заснуть в эту ночь, Франциск, обдумывая все случившееся, пришел к заключению, что лучше ему отказаться от всякого дальнейшего участия в этом деле. Конечно, проще всего было бы проехать к Сан-Николо днем, незаметно вынуть доску с задней стены хижины или проделать большое отверстие, чтобы он мог одинаково хорошо видеть и слышать, что там творится; но если бы оказалось, что там происходят встречи врагов Венеции, например граждан Падуи и Венгрии, то что же ему делать в этом случае? Даже в самом благоприятном случае, если бы по его указанию удалось арестовать заговорщиков, он сам все-таки очутился бы в очень незавидном положении. Несомненно, что Республика была бы ему обязана за его услугу, но он не нуждался ни в какой награде. С другой стороны, несомненно и то, что он нажил бы себе много врагов из самых знатных венецианских семейств и жизнь его была бы в вечной опасности. До сих пор его участие в этом деле можно было бы назвать порывом, мимолетной вспышкой мальчишеского любопытства. Но теперь, когда он убедился, что затеянное дело настолько серьезно, что может повлечь за собой печальные последствия и даже, может быть, угрожать жизни нескольких лиц, он решил вовсе прекратить свои похождения с таинственным незнакомцем.

Глава III

На большом канале

На другое утро Джузеппе был очень обрадован, когда Франциск сказал ему о своем решении отказаться от всяких дальнейших попыток расследовать дело о заговоре в Сан-Николо. Уже несколько ночей как он плохо спал и очень тревожился не столько даже за себя, сколько за участь своего господина, так как был уверен, что месть заговорщиков обрушится скорее на Франциска, а не на него, бедняка гондольера, который только исполняет приказания своего господина. Понятно поэтому, что он почувствовал необыкновенное облегчение, когда узнал, что Франциск решил больше не ездить на Сан-Николо.

В течение нескольких последующих дней Франциск чаще обыкновенного отправлялся на площадь Святого Марка; там среди толпы он встречал лиц, которых видел в хижине, и через своих знакомых разузнавал имена их и фамилии. Франциск был очень доволен сведениями, которые ему удалось раздобыть, полагая, что они могут ему со временем пригодиться.

В видах предосторожности он написал точный отчет обо всем, происходившем на лагунах в течение этих двух ночей, написав в отчете имена присутствовавших в хижине; затем он спрятал отчет в своей комнате и обо всем этом рассказал Джузеппе.

– Я думаю, нечего опасаться, что нас могли узнать, Джузеппе; тогда было слишком темно, и незнакомец не мог разглядеть наши лица. Но осторожность никогда не вредит, и если со мной приключится какая-нибудь беда, если я, например, внезапно исчезну и не вернусь домой до утра, то ты должен взять бумаги из моего ящика и бросить их в Львиную пасть. Если же тебя потом будут о чем-либо допрашивать, то расскажи все как было.

– Но мне никогда не поверят, синьор Франциск, – сказал Джузеппе.

– Поверят, потому что все, что ты скажешь им, будет только подтверждением изложенного мною в отчете. Я уверен, впрочем, что мы ничего больше не услышим об этом приключении.

– Отчего же вы не хотите теперь же донести обо всем случившемся, только скрыв свое имя? – спросил Джузеппе. – Тогда они могли бы застигнуть заговорщиков на месте и сами убедились бы, что вы написали правду.

– Я уже думал об этом, Джузеппе, но в тайном доносе такого рода кроется всегда что-то изменническое. Эти люди не сделали мне никакого зла, и мне, как иностранцу, вовсе не следовало бы вмешиваться в их политические замыслы. Мне было бы очень прискорбно сознавать, что по моей вине двенадцать человек будут заточены в тюрьму или даже осуждены на смерть.

– Очень жаль, что вы вообще вмешались в это дело, синьор.

– Да, пожалуй, ты прав, Джузеппе, но я никогда не думал, что тут затевается такое серьезное дело; конечно, я очень раскаиваюсь теперь, что ездил на остров. Может быть, настанет день, когда мы еще услышим о последствиях этого заговора, в особенности если цель заговора состояла в том, чтобы образовать партию противников войны Венеции с Падуей и Генуей.

В течение нескольких последующих дней Франциск удерживался от своих ночных прогулок в гондоле. Трудно было предположить, чтобы незнакомец мог узнать его или Джузеппе, если бы они повстречались с ним, но предосторожность никогда не мешает, и теперь Франциск, предпринимая поездку, садился в гондолу на подушки, а веслами правил Джузеппе, полагая этим ввести в заблуждение своего пассажира, который стал бы искать четырехвесельную гондолу.

Действительно, спустя неделю Джузеппе узнал, что кто-то наводил справки о гондоле, принадлежащей двум братьям гондольерам Джованни и Беппо, и что справлявшийся о них человек предлагал пять дукатов тому, кто сообщит ему какие-нибудь сведения о них. Но никто

не мог дать удовлетворительного ответа, так как в списке гондольеров, которым разрешалось возить пассажиров за плату, таких двух братьев не было.

Однажды вечером Франциск вместе с Маттео слонялся по Пьяцце и оставался там дольше обыкновенного. Затем Франциск уселся в свою гондолу и на вопрос Джузеппе о том, куда направить путь, отвечал, что ему хотелось бы еще прокатиться по Большому каналу, так как было очень душно. Луна в эту ночь не светила, так что кругом царил темнота, и большинство гондол освещались факелами. В то время, когда их гондола тихо скользила по каналу, вдруг мимо них пронеслась четырехвесельная гондола на таком близком расстоянии, что Франциск при свете горевшего факела признал в сидевших в ней дамах Марию и Джулию Полани с их гувернанткой. Сзади них сидели двое вооруженных слуг. Франциск подумал, что они, по всей вероятности, возвращаются домой после проведенного вечера в гостях. Когда гондола Полани опередила их уже на значительное расстояние, Франциск вдруг услышал возгласы: «Берегись, смотри, куда едешь!» Потом раздался ужасный треск, как бы от столкновения двух гондол, а вслед за тем крики о помощи и, как показалось Франциску, даже бряцание обнаженных мечей.

– Скорей, скорей, Джузеппе! – вскричал он, вскочив со своего места и схватив в руки другое весло. – Дочерям Полани угрожает опасность!

Сильными и быстрыми ударами весел направили они лодку к месту происшествия. Было очевидно, что здесь совершалось нападение на лодку Полани. Рядом с их гондолой стояла четырехвесельная гондола, и гондольеры с веслами в руках, а слуги с обнаженными мечами отчаянно отбивались от каких-то вооруженных людей.

Один из слуг Полани лежал уже на дне лодки, сраженный ударом сабли, тогда как один из гондольеров был сброшен с лодки ударом весла. Обе молодые девушки стояли в полном отчаянии, громко взывая о помощи.

– Скорее, спасайтесь в мою лодку! – вскричал Франциск и, перегнувшись через борт, стал перетаскивать одну за другой обеих девушек в свою лодку; как раз в это время был убит их последний защитник.

С яростными криками и проклятиями предводитель нападавших готовился уже вскочить в гондолу Франциска, но тот, быстро схватив весло, ударил его с такой силой по голове, что тот упал в воду.

Раздались крики ужаса; Франциск изо всех сил приналег вдвоем с Джузеппе на весла, и их гондола как птица помчалась по каналу.

– Успокойтесь, прошу вас! – обратился Франциск к молодым девушкам. – Теперь нам нечего опасаться преследования: они заняты спасением человека, которого я сбросил в канал, и мы пока в полной безопасности.

– Но как же наша бедная синьора? Что же с ней будет? – сказала старшая из молодых девушек, уже несколько оправившись от испуга.

– Будьте спокойны; ей не причинят никакого вреда, – сказал Франциск, – очевидно, они покушались похитить вас, а так как им это не удалось, то синьору они оставят в покое. Она, кажется, совсем растерялась от испуга; в то время как я переносил вас в свою лодку, она с такой силой вцепилась в ваше платье, что наверняка у нее остались в руках клочья материи.

– Вы знаете, куда нас везти? Я вижу, впрочем, что вы направляетесь к нашему дому, – с удивлением заметила молодая девушка.

– Да, к дворцу Полани, – отвечал Франциск. – Я имею честь быть другом вашего двоюродного брата, Маттео Джустиниани, который назвал мне ваши имена, когда мы однажды в месте с ним случайно встретили вас.

– Вы – друг Маттео! – удивленно повторила молодая девушка. – Простите меня, синьор, но я приняла вас за простых гондольеров, случайно проезжавших мимо; было так темно, что

я не могла вас разглядеть. Так редко случается видеть, чтобы веслами работал не простой гондольер.

– Я – англичанин, синьора, а так как англичане любят вообще всякие физические упражнения, то в вечернюю пору, когда меня никто не видит, я часто гребу сам.

– Благодарю вас от всего сердца за услугу, которую вы оказали мне и моей сестре! Я даже не могу ясно представить себе, что с нами случилось; мне и теперь все это кажется каким-то сном. Мы не спеша возвращались к своему дому; вдруг из бокового канала показалась большая гондола, наскочила прямо на нашу гондолу и чуть-чуть не опрокинула нас. Наш гондольер крикнул, чтобы предостеречь встречную гондолу, но тут какие-то люди вскочили на борт, и произошла ужасная стычка. Беппо был сброшен через борт, и я видела, как упал старый Николини; и вот как раз в ту минуту, когда я думала, что мы уже погибли, подъехали вы и перенесли нас в свою лодку прежде, чем я успела опомниться.

– Я, может быть, напугал вас резкостью своего обращения, синьора, но тут, знаете, было не до церемоний. А вот и ваше палаццо.

Лодка причалила к ступеням набережной. Франциск выскочил на берег и позвонил у входных дверей. Двери открылись, и двое слуг явились с зажженными факелами в руках.

– Я позволю себе зайти к вам завтра, чтобы узнать о вашем здоровье после такого ужасного приключения, синьорина.

– Нет, нет, – отвечала младшая девушка, – вы должны сейчас же пройти вместе с нами к нашему отцу. Мы расскажем ему все, что с нами приключилось, и он никогда не простит нам, если мы позволим вам удалиться, лишив его возможности лично выразить свою благодарность за оказанную нам услугу.

Франциск низко поклонился и последовал за девушками вверх по лестнице. Они вошли в большую, великолепно убранную комнату, в которой сидел представительный мужчина, занятый чтением.

– Что с вами случилось? – спросил он, идя им навстречу, – Отчего вы так взволнованы? Где синьора Кастальди? И кто этот молодой человек?

– Представь себе, отец, на нас напали какие-то люди, когда мы возвращались домой! – воскликнули обе девушки разом.

– Напали! – повторил синьор Полани. – Да кто же мог решиться на такой дерзкий поступок?

– Мы сами этого не знаем, отец, – отвечала Мария, – какая-то большая гондола внезапно налетела на нас. Мы думали, что это случилось нечаянно, как вдруг несколько человек с обнаженными мечами в руках вскочили на борт нашей гондолы. Тогда наши слуги обнажили мечи, чтобы защитить нас, а Беппо и Джакомо храбро отбивались веслами; Беппо был сброшен в воду, а Николини и Франций убиты. Казалось, еще одна минута – и мы будем схвачены, но как раз в это время подъехал к нам этот молодой человек и перенес нас в свою гондолу. Мы были так озадачены и перепуганы, что не понимали, что с нами творится. Один из нападавших, по-видимому, предводитель их, пытался вскочить в нашу гондолу, но этот синьор ударил его веслом по голове с такой силой, что тот упал в воду, а затем мы стали быстро удаляться от них, и больше они уже не преследовали нас.

– Какая неслыханная дерзость! Я обращусь в Совет за правосудием. Вы, молодой человек, оказали мне такую услугу, которую я никогда не забуду. Вы спасли моих дочерей от величайшего несчастья. Позвольте же мне узнать имя того, кому я столь многим обязан.

– Мое имя – Франциск Гаммонд; мой отец английский купец, поселившийся здесь уже несколько лет назад.

– Как же! Я слышал о вашем отце, – сказал Полани, – и надеюсь ближе познакомиться с ним. А где же синьора Кастальди? – обратился он к дочерям.

– Она осталась там, в нашей гондоле; она так испугалась, что не могла двинуться с места.

Синьор Полани позвал слугу.

– Велите сейчас же снарядить гондолу; шестеро из вас, взяв с собою оружие, должны отправиться на поиски нашей лодки; пошлите кого-нибудь за лекарем, так как там есть раненые очень серьезно и даже убитые.

Однако, прежде еще, чем успели выполнить это приказание, к ступеням палаццо подплыла гондола, управляемая оставшимся в живых гондольером. Сначала вышла с помощью слуг синьора, громко рыдавшая, а затем вынули тела двух слуг. Один был уже мертв, а другой скончался вскоре после того, как его вынесли на берег.

– Не заметила ли ты, Мария, или ты, Джулия, каких-нибудь особых примет на гондоле, в которой находились нападавшие?

– Нет, отец, никаких знаков и никакого герба я на ней не заметила. Впрочем, я так была перепугана, что ничего не могла разглядеть.

– Насколько я мог заметить, это была самая обыкновенная гондола, обитая черным сукном, – прибавил Франциск.

– Скажите, молодой человек, каким образом вы-то вмешались в эту стычку? Немногие из наших молодых людей решились бы на это, очень хорошо сознавая, как опасно вмешиваться в чужие ссоры.

– Я счел бы, во всяком случае, своей обязанностью явиться на помощь, услышав крики женщин, но я узнал синьорин, когда они проезжали мимо меня в гондоле, так как мне на них указал мой друг Маттео Джустиниани. А теперь, синьор, если позволите, я прощусь с вами, – сказал Франциск, – становится поздно, и синьоринам необходим отдых после всего испытанного.

– Я увижусь с вами завтра же, сударь. Утром я буду иметь честь посетить вашего отца.

– Верно, это судьба наша такая, что с нами постоянно отучаются приключения, Джузеппе, – сказал Франциск, садясь в гондолу.

– Да, и этим, пожалуй, еще не кончились наши приключения, синьор Франциск. Многие узнают о вашем участии в этом деле, и я думаю, что было бы благоразумнее прекратить на время наши вечерние прогулки, а то еще попадем в худшую беду.

– Нет, я не согласен, Джузеппе. Мы ездим без зажженных факелов, так что встречные могут и не узнать нас. В темноте все гондолы похожи одна на другую, и, сколько бы у меня ни явилось врагов, я все-таки не побоюсь кататься по каналам.

На другое утро за завтраком Франциск рассказал своему отцу о случившемся накануне.

– Очень неблагоразумно вмешиваться в ссоры, которые тебя вовсе не касаются, – сказал на это мистер Гаммонд, – на этот раз, однако, твое участие в этом происшествии может даже принести тебе пользу. Синьор Полани один из самых влиятельных купцов в Венеции; его имя известно повсюду на Востоке, и дружба с таким человеком может быть чрезвычайно выгодна и для меня самого. Но, с другой стороны, благодаря тому, что ты помешал выполнить какому-то сумасбродному молодому дворянину его дерзкое намерение, ты, вероятно, нажил себе врага, а для тех, кто имеет врагов среди влиятельных лиц, пребывание в Венеции становится уже небезопасным; как бы то ни было, но тебе следует обуздать свою страсть к приключениям. Ты сын не графа или барона, и добиваться чести и славы с помощью оружия тебе вовсе не подобает. Купец города Лондона должен добиться известности не этим, а честностью и трудолюбием. Уже давно пора отправить тебя на родину, где ты займешь место в конторе и будешь находиться под присмотром моего компаньона; это будет лучше для тебя самого.

Франциск и не подумал, конечно, возражать своему отцу, но сердце его сжалось при мысли, что ему после привольной жизни в Венеции придется засесть в конторе в Лондоне. Вообще ему, как многим пылким юношам, более улыбалась жизнь, полная приключений, на военном ли или ином поприще, нежели однообразная жизнь лондонского купца.

В это же утро у ворот, выходящих на канал, раздался сильный звонок, и минуту спустя явился слуга с докладом, что внизу находится синьор Полани и просит свидания. Мистер Гаммонд тотчас же поспешил навстречу гостю, которого он с изысканной любезностью провел в дом.

– Вы, конечно, уже слышали обо мне, синьор Гаммонд, как и я имел удовольствие слышать о вас, – сказал венецианец, после того как они обменялись приветствиями, – Ваш сын рассказал вам, вероятно, какую неоценимую услугу он оказал мне вчера, спасши моих дочерей или, вернее, мою *старшую* дочь, – так как, очевидно, именно на нее покушались злодеи, – от похищения, которое хотел учинить один в самых безнравственных молодых людей нашего города.

– Мне очень приятно, синьор Полани, что мой сын мог быть вам полезен, – отвечал мистер Гаммонд. – Признаюсь вам, что я частенько раскаивался в том, что предоставлял ему много свободы и позволял ему тратить время на военные упражнения, более полезные сыну благородного воина, нежели миролюбивого купца; но ловкость и смелость, которые он выработал в военной школе, очень пригодились ему вчера, так что я несколько не жалею о времени, потраченном им в школе фехтования.

– Мне кажется, синьор, что умение владеть оружием может всегда пригодиться в наше время как миролюбивому гражданину, так и добивающемуся славы на военном поприще. Нам, купцам, пришлось бы совсем бросить наше занятие торговлей, если бы мы не умели при случае защищать наши суда от нападений морских разбойников. Кроме того, всякий гражданин обязан защищать свою родину от нападения врагов. Наконец, у человека, который хотя сколько-нибудь выделяется из толпы, всегда найдутся личные враги, с которыми приходится считаться. Здесь, в Венеции, мы все воины и моряки, и вашему сыну не только не повредит, но, скорее, будет полезно его умение владеть мечом и кинжалом. Вот и теперь, – прибавил он, улыбаясь, – у нас налицо доказательство моего мнения. Вовсе не желая хвастаться, скажу вам, мистер Гаммонд, что Николай Полани, когда представится случай, может быть полезен своим друзьям, в числе которых он отныне будет считать вашего храброго сына и, если позволите, и вас самих. Теперь, однако, я принужден покинуть вас, так как должен спешить в Совет для подачи своей жалобы. Я убедительно буду просить вас позволить вашему сыну пойти со мной, чтобы он мог изложить перед Советом все, что ему известно по этому делу.

– Это его прямая обязанность, но сознаюсь вам, что вся эта история немало тревожит меня. Мы очень хорошо знаем, как опасно иметь врагов в Венеции, так как никакие связи не могут спасти человека от удара кинжалом из-за угла.

Немного времени спустя Франциск сидел рядом с Полани в его гондоле.

– Сколько вам лет, друг мой? – спросил его негоциант, когда лодка пересекала лабиринты бесчисленных венецианских каналов.

– Мне недавно минуло шестнадцать лет, синьор.

– Еще только шестнадцать! – воскликнул удивленно Полани. – Я считал вас, по крайней мере, двумя годами старше. Я только что был в палаццо Джустиниани, и мой молодой родственник, Маттео, сказал мне, что в школе фехтования ни один из наших знатных молодых людей не может сравниться с вами в искусстве владеть рапирой.

– Я боюсь только, – скромно отвечал Франциск, – что я на эти военные упражнения тратил времени больше, чем следовало бы мне как сыну купца.

– О нет, – отвечал венецианец. – Нам, купцам, тоже приходится отстаивать свои права и свою свободу, защищать наши товары и корабли, точно так же, как дворяне защищают свои дворянские права и свои замки. Сколько раз мне приходилось самому защищать свои корабли от нападения морских разбойников, генуэзцев и других врагов. Я сражался с греками; не раз имел стычки на улицах Константинополя, Александрии и в других портах, даже служил на правительственных галерах. Все торговые люди должны стоять на стороне мира, но вместе

с тем они должны быть всегда наготове защищать свое достояние. Однако мы добрались до Пьяцетты.

Близ пристани стояла группа дворян. Синьор Полани тотчас же направился к ним и представил им Франциска как человека, который оказал такую большую услугу его дочерям. Все выражали ему свою признательность и поздравляли его.

– Вы подождете меня у входа? – обратился к нему синьор Полани. – А, вот я вижу Маттео, который идет сюда со своим отцом. У вас, наверное, найдется, о чем поговорить с ним, пока я буду в Совете.

Все направились ко входу в Совет, а Маттео поспешил к своему другу, приветствуя его словами:

– Ну, Франциск, поздравляю тебя от всей души, хотя и очень завидую тебе. Я пришел в восторг, когда услышал, как ты подлетел в своей гондоле, чтобы выручить моих кузин из когтей этого злодея Руджиеро Мочениго.

– Ты наверно знаешь, что это был Руджиеро?

– О, в этом нет никакого сомнения. Ты помнишь, что он просил руки Марии Полани, и, когда ему было отказано, он поклялся отомстить. А ты знаешь его характер: он способен на всякое низкое дело; кроме того, говорят, он проигрался в карты в Константинополе и теперь попал в лапы ростовщиков. Если бы ему удалось похитить Марию, то он сделался бы обладателем одной из богатейших наследниц в Венеции. Да тут и тени сомнения не может быть. Уж теперь я больше не буду восставать против твоих скитаний в гондоле, так как твое умение грести привело к тому, что тебе удалось оказать такую громадную услугу Полани. Могу уверить тебя, что нашлось бы немало молодых людей в Венеции, которые согласились бы пожертвовать весьма многим, чтобы совершить то, что совершил ты.

– Я очень желал бы знать наверное, был ли это действительно Руджиеро, которого я сбросил в воду, и жив ли он еще или нет. Ты знаешь, у него очень большие связи, Маттео, и если я приобрел себе новых друзей, то нажил также и непримиримых врагов благодаря этому приключению.

– Это правда, – согласился Маттео. – Ради твоей же безопасности я, конечно, желал бы, чтобы Руджиеро был теперь на дне канала. Никто его не любит, и хотя его приятели открыто взяли бы его сторону, но в душе они были бы отчасти довольны тем, что отделались от такого беспокойного товарища. Но если его слуги спасли его и привели в чувство, то советую тебе держать ухо востро, так как меньше всего желательно было бы иметь своим врагом Руджиеро. Во всяком случае, будем надеяться на лучшее и желать, чтобы нам не пришлось больше услышать о его существовании.

– Я не знаю, право, чего лучше желать, – мрачно проговорил Франциск. – Конечно, он будет опаснейшим врагом, если он жив, а с другой стороны, меня будет постоянно угнетать мысль, что я его убил.

– Будь я на твоём месте, я бы не тревожился об этом, – беспечно сказал Маттео. – Если бы ты не убил его, то, поверь, он убил бы тебя.

– Нет, я воспитан в иных понятиях, Маттео. Моему отцу ненавистны всякие насильственные действия за исключением, разумеется, войны в защиту своего отечества, и хотя он прямо не осуждал меня за мое участие в этом происшествии, но я вижу, что это его беспокоит и он серьезно поговаривает о том, чтобы отправить меня обратно в Англию.

– Да неужели? – печально спросил Маттео. – До сих пор мы были большими друзьями, Франциск, но я надеюсь, что в будущем мы еще больше подружимся. Все друзья Полани будут считать тебя своим близким человеком, и я, идя сюда, подумывал, что, может быть, через несколько лет мы вместе могли бы поступить на государственную службу и получить место на военной галере.

– Мой отец пришел бы в ужас от подобной мысли, Маттео, хотя я лично не желал бы для себя лучшего. Но этому не бывать никогда. Признаюсь, мне очень жаль будет покинуть Венецию. Но вот к нам идет один из служащих Совета.

Служащий подошел к ним и, спросив, кто из них Франциск Гаммонд, пригласил его следовать за собой.

Глава IV

Похищение

Не без чувства смущения и даже невольного страха следовал Франциск Гаммонд за своим проводником в залу Совета. Это была большая и великолепно украшенная комната. Кругом по стенам висели громадные картины, изображавшие различные сцены из войн Венеции, потолки тоже были расписаны. Карнизы были позолоченные, а над окнами и дверями спускались дорогие занавеси из затканых материй.

За столом подковообразной формы заседали десять членов Совета, все в ярко-красных одеяниях с горностаевой отделкой – отличительной одежде венецианских сенаторов. Председателем был дож, сидевший за тем же столом. На голове у каждого была надета черная бархатная плоская шапочка. Синьор Полани и его друзья сидели в креслах против стола. В то время, когда в зал вошел Франциск, давал свои показания гондольер. Когда он кончил, ему задали еще несколько вопросов, а затем велели удалиться. Тогда пристав вывел вперед Франциска.

– Мое имя Франциск Гаммонд, – сказал он в ответ на заданный ему вопрос.

– Расскажите нам, что вам известно по настоящему делу, – обратился к нему дож.

Франциск описал сцену нападения на гондолу.

– Как это случилось, что вы, такой молодой человек и притом еще иностранец, вмешались в такого рода приключение? – спросил его один из членов.

– Я услышал крики женщин, призывавших на помощь, и, разумеется, счел своим долгом поспешить к ним, – отвечал он спокойным тоном.

– А вы знали, кто были эти дамы?

– Я знал их в лицо. Мне случайно однажды указал на них мой приятель Маттео Джустианиани, сказав, что это дочери синьора Полани. И когда незадолго до происшествия они проезжали мимо меня в гондоле, то я при свете факелов узнал их.

– Могли ли бы вы узнать кого-либо из нападавших, если бы опять увидели их?

– Нет, не мог бы, потому что они все были в масках, – отвечал Франциск.

– Вы говорите, что ударом весла по голове свалили одного из участников в то время, когда он собирался перескочить в вашу гондолу. Как случилось, что весло было в руках у вас, а не у вашего гондольера?

– Я сам умею грести, – отвечал Франциск. – У нас в Лондоне все молодые люди гребут ради своего удовольствия и очень любят это занятие. В тот вечер, однако, когда синьорины проезжали мимо меня, я не греб, но схватил весло, когда услышал их крики, чтобы скорее доехать до места происшествия. Вот почему весло оказалось в моих руках, когда незнакомец намеревался перескочить в нашу гондолу.

– Итак, у вас не имеется никаких данных, чтобы подозревать кого-либо как зачинщика этого нападения?

– Нет, никаких, – отвечал Франциск. – Ни в их гондоле, ни в одежде нападавших я не заметил никаких особенных примет.

– Во всяком случае, молодой человек, – обратился к нему дож, – вы проявили такую стремительность, такое присутствие духа и храбрость, которые присущи только людям уже более зрелого возраста, и я от имени Республики благодарю вас за то, что своим вмешательством вы предупредили тяжкое преступление. Я попрошу вас остаться еще некоторое время здесь. Возможно, что, когда предстанет перед нами лицо, обвиняемое в этом преступлении, вы узнаете его.

Какое-то странное чувство овладело Франциском, когда, спустя минуту или две, пристав объявил о приходе Руджиеро Мочениго.

– Введите его, – сказал дож.

Занавесь у дверей раздвинулась, и в зал с надменным видом вошел Руджиеро. Он поклонился членам Совета и остановился, как бы выжидая, чтобы его начали допрашивать.

– Вы, Руджиеро Мочениго, обвиняетесь, – сказал дож, – в том, что принимали участие в покушении похитить дочерей синьора Полани и в убийстве трех слуг этого господина.

– Какие же имеются основания для такого обвинения? – спросил Руджиеро высокомерным тоном.

– Одним из оснований служит то обстоятельство, что вам было отказано в руке старшей дочери и что вы, получив отказ, угрожали отомстить ее отцу, у которого, насколько ему известно, нет других врагов, кроме вас.

– Это слишком шаткие основания для столь тяжкого обвинения, – сказал Руджиеро презрительно.

– Но не забывайте, – обратился к нему дож, – что ваше прошлое поведение уже может служить достаточным основанием к тому, чтобы подозрение пало на вас. Вы уже были однажды высланы из Венеции за убийство, и полученные нами отзывы о вашем поведении во время пребывания вашего в Константинополе говорят далеко не в вашу пользу.

– Во всяком случае, – отвечал Руджиеро, – мне очень легко будет доказать, что я не принимал никакого участия в похищении дочерей синьора Полани прошлой ночью, так как именно этот вечер я провел у себя с моими друзьями, играя с ними до трех часов утра в карты.

– Кто же именно из ваших друзей был у вас в этот вечер?

Руджиеро назвал имена шестерых молодых людей, родственников его семьи, которым тотчас же разослали приказание явиться немедленно в Совет.

– А пока, Франциск Гаммонд, скажите нам, узнаете ли вы в обвиняемом одного из нападавших прошлой ночью лиц?

– Нет, не узнаю, ваша светлость, – отвечал Франциск. – Могу сказать наверное, что этот господин не был вожаком, которого я ударил веслом по голове. Удар пришелся ему как раз в висок, так что на голове должен был бы остаться след от удара.

В то время, пока Франциск давал это показание, Руджиеро смотрел на него враждебным взором, несмотря на то что его показание служило в пользу Руджиеро. Этот полный ненависти взгляд невольно заставил вздрогнуть Франциска, когда он, окончив свое показание, удалился опять на свое место позади синьора Полани.

Около четверти часа царило молчание. Обыкновенно члены Совета во время заседаний переговаривались тихими голосами друг с другом, но теперь никто не проронил ни одного слова до появления первого из приглашенных в Совет молодых людей. Молодые люди по очереди давали свои показания, и все единогласно подтвердили, что они провели вечер вместе с Руджиеро и что он не покидал своей комнаты начиная с момента его прихода вместе с ними домой до времени их ухода от него, когда уже было два часа ночи.

– Вы выслушали показания моих свидетелей, – сказал Руджиеро, – и я позволю себе спросить вас, господа члены Совета, справедливо ли подвергать молодого человека из хорошего круга общества такому позорному обвинению, основываясь только на одном подозрении?

– Вы выслушали показания, данные свидетелями, синьор Полани, – обратился к этому последнему дож, – не отказываетесь ли вы теперь от обвинения синьора Мочениго?

– Хотя Руджиеро Мочениго доказал, – отвечал, вставая, Полани, – что не принимал личного участия в деле, но я позволю себе заметить, что это еще вовсе не может служить доказательством того, что он не был зачинщиком этого покушения. Он хорошо понимал, что первое мое подозрение должно было пасть именно на него, и потому, конечно, принял все меры, чтобы это дело было выполнено другими; он принял свои предосторожности, чтобы иметь возможность доказать, – и это ему удалось, – что он лично не присутствовал при совершении нападения.

После краткого совещания членов Совета между собой дож объявил:

– Все присутствующие должны удалиться отсюда, пока Совет займется обсуждением дела. О решении нашем заинтересованные в деле лица будут извещены своевременно.

Выйдя из Совета, синьор Полани и его друзья пошли через Пьяццу, толкая о происшедшем на суде.

– Он еще выпутается, – сказал Полани, – у него есть близкие родственники в Совете, а кроме того, хотя на него падает сильное подозрение, но не имеется прямых доказательств для обвинения. Впрочем, пока не стоит больше толковать об этом. Пойдемте, синьор Франциск, ко мне. Вчера, когда вы были у нас, мои дочери были слишком взволнованы, чтобы отблагодарить вас за оказанную им услугу. Маттео, пойдемте вместе с нами.

Прошло уже три дня, и Совет еще не сообщал о своем решении, когда однажды рано утром Франциск получил приказание явиться в Совет.

«Уж не везут ли меня в тюрьму», – подумал про себя Франциск, сидя вместе со своим провожатым в гондоле.

Они миновали Пьяцетту, не останавливаясь, свернули в канал по направлению к тюрьмам и вскоре причалили к воротам близ моста Вздохов. Франциск вместе со своим проводником вышел на берег. Пройдя два или три коридора, они подошли наконец к дверям, у которых стояла стража. Спутник Франциска сказал какое-то слово, и дверь перед ними отворилась. Комната, в которую они вошли, была со сводами и без всякой мебели; в одном углу ее Франциск заметил небольшое каменное возвышение, на котором лежало что-то, покрытое черным сукном. Тут же находились четыре члена Совета, а несколько поодаль от них стоял Полани, по другую же сторону Франциск увидел Руджиеро с двумя своими товарищами.

– Мы послали за вами, Франциск Гаммонд, – обратился к нему один из членов Совета, – рассчитывая, что вы, может быть, признаете труп, найденный вчера ночью в Большом канале.

Один из служащих выступил вперед и снял покрывало, которым был прикрыт труп еще молодого на вид человека. На левом виске его была рассеченная рана.

– Узнаете ли вы этого человека?

– В лицо я его не знаю – я раньше никогда не встречал его, – отвечал Франциск.

– Полагаете ли вы, что рана, которую вы видите, могла быть причинена ударом вашего весла?

– Этого я не могу сказать достоверно, – отвечал Франциск, – но знаю, что ударил именно в это место человека, который хотел вскочить в мою гондолу.

– На первом допросе вы показали, что нанесли удар именно по левому виску.

– Да, насколько помню, это было так. Я сказал также, что это не мог быть Руджиеро Мочениго, так как, если бы это был он, то, наверное, у него должны были бы остаться следы на голове.

– Не видите ли вы каких-либо особых примет на платье убитого, по которым вы могли бы признать в нем нападавшего?

– Нападавший был одет в точно такое же черное платье. Был, впрочем, еще один отличительный признак: при свете факела мне бросилась в глаза рукоятка его кинжала, которая, как мне показалось, была украшена драгоценными камнями; положительно я этого, однако, утверждать не могу.

– Подайте сюда кинжал, найденный на трупе, – сказал один из членов Совета приставу.

Пристав подал кинжал.

– Тот ли это кинжал, о котором вы говорите? – спросил сенатор Франциска.

– Я не могу утверждать, что это именно тот кинжал, который я видел, – отвечал Франциск, – во всяком случае, он очень схож с ним.

– Итак, вы видели рану на виске и кинжал, найденный на поясе убитого. Установлено, что труп находился в воде в течение лишь нескольких дней; следовательно, вы не сомневаетесь в том, что это и был тот человек, которого вы во время борьбы ударом весла сбили в воду?

– Нет, синьор, я нисколько не сомневаюсь в этом.

– Этого довольно, – сказал член Совета. – Вы можете удалиться.

Франциска провели к гондоле и доставили его домой. Час спустя прибыл туда и синьор Полани.

– Ну, дело окончено, – сказал он, – но не с благоприятным для меня результатом, так как присужденное Руджиеро наказание совершенно несоразмерно с нанесенным им оскорблением; хорошо, разумеется уже и то, что Мочениго все-таки не избегнет наказания. Я должен вам сказать, что в найденном трупе признали двоюродного брата Руджиеро Мочениго; они были неразлучны друг с другом с тех пор, как Руджиеро вернулся из Константинополя. После допросов, произведенных в доме отца убитого молодого человека, открылось, что в день нападения он вечером ушел из дома, сказав, что отправляется на материк и возвратится лишь через несколько дней. Затем, как вы уже знаете, найден был его труп. Руджиеро доказывал, что он ни при чем в этом деле и что покушение на мою дочь было совершено его двоюродным братом без его ведома. Тогда призвали мою дочь Марию, которая показала, что она даже никогда прежде не видела этого молодого человека. Большинство членов во время совещания Совета пришло к убеждению, что убитый молодой человек действовал по подстрекательству Руджиеро. Затем председатель объявил: «Хотя соучастие Руджиеро Мочениго и не доказано, тем не менее, однако, принимая во внимание его домогательство руки дочери синьора Полани, его угрозы после отказа в ее руке, прошлое поведение и его тесную дружбу с двоюродным братом, Совет не сомневается, что покушение было совершено по подстрекательству Руджиеро Мочениго, и потому приговаривает его к трехгодичному изгнанию из Венеции и окружающих островов».

– Я был бы более доволен, если бы его выслали опять в Константинополь, – сказал мистер Гаммонд. – Если ему позволят жить на материке, то он поселится не более как на расстоянии двух-трех миль отсюда, а такое близкое соседство не может быть очень приятным для тех, кто навлек на себя его ненависть.

– Вы совершенно правы, – согласился синьор Полани, – и я, и все мои друзья негодуют на то, что его не сослали подальше отсюда. Теперь я запретил своим дочерям оставаться вне дома по вечерам, когда становится темно. Нельзя же предположить, чтобы Руджиеро решился силой ворваться в мой дом, хотя от этого человека можно всего ожидать.

– Я тоже запретил моему сыну ни под каким видом не выходить ночью на улицу. Но я до тех пор не буду за него спокоен, пока не отправлю его обратно в Англию при первой удобной okazji.

– Надеюсь, что такой okazji не представится в скором времени, синьор Гаммонд. Мне было бы очень жаль расставаться с вашим сыном после такого кратковременного знакомства. Впрочем, мы еще потолкуем с вами об этом. Может быть, мы найдем какой-нибудь другой способ, чтобы обеспечить его безопасность.

В течение следовавших за этим двух недель Франциск проводил большую часть своего времени во дворце синьора Полани, который радушно приглашал его бывать как можно чаще в его доме. Обыкновенно, когда приходили Франциск и Маттео Джустиниани, молодежь, сидя на балконе, проводила время в веселых беседах; часто приходил и сам Полани; тут же в сторонке с недовольным видом присутствовала синьора Кастальди, видимо относившаяся с полным неодобрением к смеху и веселью молодых людей. После обеда обыкновенно все общество отправлялось кататься в четырехвесельной гондоле и возвращалось домой при приближении вечерней темноты.

– Мне вовсе не нравится эта госпожа Кастальди, – сказал однажды Франциск Маттео в то время, когда Джузеппе вез их из палаццо Полани домой.

Маттео улыбнулся.

– Я тебе даже прямо скажу, что просто ненавижу ее и уверен в том, что и она меня тоже недолюбливает. Она следит за мной, как кошка за мышью, – продолжал Франциск.

– Может быть, она не может простить тебе того, что ты, спасая ее воспитанниц, бросил ее на произвол судьбы.

– Этого я не знаю, Маттео, но признаюсь, что ее поведение показалось мне тогда очень подозрительным.

– Уж не думаешь ли ты, что она желала, чтобы нападающим удалось похитить Марию?

– Я никакого права не имею этого утверждать, Маттео, и, конечно, никому об этом не сказал бы ни полслова, но мне сдается, что это было именно так. Мне уже приходило в голову, что у Руджиеро был какой-нибудь соучастник из дома Полани, потому что иначе откуда мог бы он узнать точное время, когда синьорины будут проезжать по Большому каналу.

– Да, все это очень странно, Франциск, но мне как-то не верится, чтобы эта женщина была такой коварной. Она уже много лет у них в доме, и синьор Полани вполне доверяет ей!

– Это так, но Руджиеро мог ее подкупить.

– Ах да, вот еще что! Когда ты заговорил об этом, Франциск, то знаешь, что я вспомнил? Недавно я вздумал подсмеяться над Марией насчет их криков о помощи и сказал: «Воображаю, что за шум вы подняли, когда принялись кричать втроем!» На это Мария ответила: «Как втроем! Мы только вдвоем с Джулией кричали изо всей мочи, а синьора Кастальди сидела спокойно и выказала такую храбрость, что не издала даже ни одного звука».

– Вот видишь! Я надеюсь, что, когда мне придется покинуть Венецию, ты будешь по возможности зорко следить за ней.

– Я не знаю только, как мне приступить к этому делу, – ствечал, смеясь, Маттео, – во всяком случае, я скажу своим двоюродным сестрам, что Кастальди нам очень не нравится, и посоветую, чтобы они не доверяли ей.

– Ну хорошо. А вот мы уже у нашего дома. Мы еще потолкуем с тобой об этом деле как-нибудь. Повторяю тебе, я убежден, что эта Кастальди – нехорошая женщина; и я надеюсь, что нам удастся и доказать это. Завтра мы увидимся с тобой, а до этого нам необходимо решить, следует ли кому-нибудь говорить о наших подозрениях.

В эту ночь Франциск долго не мог заснуть, все время обдумывая, как ему поступить насчет Кастальди. Наконец он решил, что на другой же день переговорит обо всем с синьором Полани, рискуя, что, высказав свои подозрения об особе, которая в течение многих лет пользовалась доверием в семействе, он может огорчить Полани. На другое утро Франциск отправился к Полани.

– Ах, Франциск, – встретил его Полани, – разве вы забыли, что сегодня мои дочери на целый день уехали из дому?

– Нет, синьор, я не забыл, но мне хотелось бы переговорить именно наедине с вами об одном деле. Может быть, вы будете смеяться надо мной, но надеюсь, что вы не посетуете на мое вмешательство в ваши домашние дела, если я затрону один вопрос, близко вас касающийся? Я хочу говорить с вами о синьоре Кастальди, компаньонке ваших дочерей. Я знаю, что вы питаете к этой особе полное доверие, которое она в ваших глазах заслужила своими попечениями о них в течение уже нескольких лет, но я все-таки считаю своим долгом поделиться с вами моими наблюдениями и подозрениями насчет этой особы.

Затем Франциск рассказал о всех известных ему фактах и также и про то, что сообщил ему Маттео.

– Может быть, во всем том, что я вам сейчас передал, и нет ничего подозрительного, – закончил он свои объяснения, – но прошу вас верить, что если я позволил себе выказать мои подозрения, то к этому побудило меня единственно мое участие к вашим дочерям.

– О, в этом я несколько не сомневаюсь, – сказал Полани, – но мне кажется, что все это несколько преувеличено. Имейте в виду, что синьора Кастальди уже десять лет находится в моем доме и что ее воспитанием моих дочерей, а также и ее заботами о них я очень доволен. Конечно, и у нее найдутся недостатки, но совершенства на свете нет, и я отнюдь не сомневаюсь в ее верности и преданности нашему семейству. Разумеется, она была не совсем права, что позволила тогда моим дочерям оставаться у знакомых дольше обыкновенного, но сделала она это по доброте сердечной, видя, что молодые девушки так веселятся; а если она не кричала, когда на них напали, то это доказывает только, что не все женщины ведут себя одинаково в случаях опасности. Тем не менее, Франциск, я от души благодарю вас за все, что вы мне передали, и хотя остаюсь при своем мнении, но все-таки приму к сведению то, что вы высказали мне.

Вечером, когда Франциск в своей гондоле направлялся, по обыкновению, к дворцу Полани, его нагнала гондола, в которой сидел Маттео. Поравнявшись с лодкой Франциска, Маттео быстрым прыжком вскочил в его гондолу. Он казался таким взволнованным, что Франциск поспешил спросить его:

– Что с тобой, Маттео, что случилось?

– Ужасная беда, Франциск, Мария и Джулия исчезли!

– Как исчезли! – повторил озадаченный этой новостью Франциск.

– Отец их был сейчас у нас; он чуть с ума не сошел от горя и гнева. Ты знаешь ведь, что они уехали сегодня утром на целый день к Пизани.

– Знаю, знаю, ну и... говори же скорее!..

– Ну вот, неизвестно почему, но Полани, против своего обыкновения, вздумал сам поехать за ними, чтобы привезти их домой, и когда приехал к Пизани, то ему сказали, что дочери его уже часа два тому назад уехали отсюда. Ты был прав, Франциск, тут, конечно, замешана Кастальди! Она поехала с девушками утром к Пизани, оставила их там и должна была в шесть часов вечера приехать за ними в гондоле. Вместо этого она приехала за ними уже в три часа, сказав, что с их отцом случилось несчастье, что будто бы он упал со ступенек моста, сломал себе ногу и послал за дочерьми.

Понятно, они поспешили уехать. Полани уже допросил слуг, которые помогали девушкам садиться в гондолу. Они сказали, что это была чья-то чужая гондола, очевидно наемная, с наглухо закрытой каютой. Увидев чужую гондолу, девушки были очень удивлены, и Мария даже сказала: «Да, это вовсе не наша гондола!» Но Кастальди возразила на это: «Нет-нет, не наша; обе наши гондолы были посланы за лекарем, а так как ваш отец хотел, чтобы я привезла вас скорее, то я наняла первую попавшуюся гондолу. Скорее, скорее садитесь, мои милые, отец с нетерпением ждет вас». Они поспешили сесть, и гондола быстро исчезла из виду. Вот все, что мне известно; кроме того, я узнал, что все, что говорила Кастальди, оказалось ложью, что их отец вовсе и не думал посылать ее за ними и что они и по сей час еще не вернулись домой.

Глава V

Открытие следов

– Это ужасно, Маттео, – сказал Франциск, когда его друг окончил свой рассказ. – Что же теперь остается делать?

– Вот в этом-то весь вопрос, – отвечал Маттео. – Что теперь делать? Отец моих кузин уже был в городском управлении, чтобы объявить о случившемся и просить помощи для отыскания похищенных молодых девушек. Он хочет, кроме того, вывесить объявления с обещанием выдать тысячу дукатов в награду лицу, которое доставит ему какие-либо сведения, могущие служить к открытию следов его дочерей; этого будет достаточно, чтобы заставить всех здешних гондольеров взяться за дело; невозможно предположить, чтобы никто не заметил закрытой гондолы, тем более что в это время года гондолы почти все открыты. Досадно, что приходится сидеть сложа руки, когда хотелось бы сейчас же броситься на поиски.

– Отправь свою гондолу домой, Маттео; она, может быть, еще будет нужна дома. Мы же с тобой подьем на моей к лагунам и дорогой переговорим обо всем. Подумать только, что не далее как вчера вечером мы так весело болтали с твоими кузинами и что сегодня они находятся во власти этого негодяя Мочениго, который, наверное, играет в этом деле главную роль... А кстати, – прервал Франциск самого себя, – не знаешь ли ты, где он теперь живет?

– Я слышал неделю назад, что он был в Ботонде, близ Чиоггии, но где он в настоящую минуту – не знаю.

– Мне кажется, следовало бы узнать, где он находится, и проследить за ним. Возможно, впрочем, что он примет меры и в течение некоторого времени не будет навещать Синьорин в месте, где их прячут, предполагая, что подозрение в их похищении падет, конечно, на него и что за ним будут следить.

– По всей вероятности, Полани уже подумал об этом и примет свои меры; в этом случае он встретит поддержку всех влиятельных лиц в Венеции, за исключением семейства Мочениго и их друзей. Похищение молодых девушек среди белого дня должно считать за обиду, нанесенную каждому семейному дому в Венеции; всякий невольно подумает, что то же самое может угрожать и его сестрам или дочерям.

– Вернемся домой, Маттео, наши разговоры не приведут ни к чему, пока мы не узнаем, какие меры приняты уже синьором Полани.

По прибытии домой Маттео узнал, что Полани в сопровождении двух членов Совета отправился на материк на одной из самых быстроходных правительственных галер. Было наскоро устроено совещание членов Совета и решено отправить двух лиц из состава Совета в сопровождении официального представителя Республики в Ботонду; им было отдано приказание арестовать Руджиеро, если только они его найдут там; в случае же, если они не разыщут его, то было приказано послать уведомление по всем городам Республики об аресте его и высылке под сильным конвоем в Венецию. Кроме того, тотчас же отрядили несколько галер к различным торговым городам Венецианской республики с приказанием делать строгий обыск на каждом вновь прибывающем или отбывающем судне и осматривать всех приезжающих или отбывающих на лодках в течение этого же вечера и ночи. Заявление о том, что Полани обещал крупную награду за отыскание своих дочерей, должно было тоже быть разглашено повсюду. Известие о похищении молодых девушек быстро распространилось, и весь город пришел в негодование. Матросы из порта Маламокко толпой появились в Венеции; они считали оскорбление, нанесенное семейству влиятельного коммерсанта, почти за личную обиду. Камни полетели в окна палатцо Мочениго, и толпа готова была разгромить дворец, если бы не вступилась полиция, взяв его под свою охрану.

– Можно еще утешаться тем, – заметил Джузеппе, – что в эту минуту Мочениго так занят своими собственными делами, что ему некогда думать о вас, синьор Франциск. Я с самой той памятной ночи плохо сплю, мне все снятся тяжелые сны.

– Ты больше беспокоишься обо мне, чем я сам, Джузеппе, но и я тоже был осторожен, имея в виду, что хотя Руджиеро и отсутствует, но друзья его находятся здесь и не дремлют, как это видно по удавшемуся похищению молодых девушек...

– Надеюсь, отец, – сказал Франциск мистеру Гаммонду на следующее утро, – что не встретится особенной надобности мне уехать отсюда в Англию, прежде чем не обнаружатся что-нибудь по делу Полани.

– Скажу тебе откровенно, Франциск, что я несколько изменил свои планы; после того, что сказал мне на днях синьор Полани, я чувствую, что было бы неблагоприятно с моей стороны настаивать на твоём возвращении на родину. При его обширных торговых и деловых связях он может быть тебе чрезвычайно полезен: под его покровительством ты можешь начать свою карьеру при лучших условиях, нежели вступив в мой торговый дом в Лондоне, и потому для тебя будет лучше, если ты останешься здесь в настоящее время. Разумеется, в эту минуту Полани так поглощен заботой о своих дочерях, что ни о чем другом не в состоянии думать, но ты, во всяком случае, можешь здесь переждать некоторое время, и тогда он, по всей вероятности, займется тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.